

УДК 94

ИЗ ИСТОРИИ ДИАЛОГА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С ШИИТСКИМ ДУХОВЕНСТВОМ ИРАНА: ВЕКТОРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. А. Хохлов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается межрелигиозное взаимодействие Русской православной церкви и шиитского духовенства Исламской Республики Иран в конце XX – начале XXI в. Дается анализ его истории и особенностей развития на современном этапе. Опираясь на доступные источники, автор приходит к выводу об исключительном характере изучаемого явления в контексте диалога между христианами и мусульманами. Вместе с тем подчеркивается, что оно является неотъемлемой частью современных межгосударственных отношений России и Ирана.

The article considers interreligious interaction of the Russian Orthodox Church and the Shiite clergy of the Islamic Republic of Iran at the end of the XX – beginning of the XXI centuries. It analyzes the history and features of its development in present times. Leaning on the available sources, the author comes to a conclusion about exclusive character of the studied phenomenon in the context of dialogue between Christians and Muslims. At the same time, it emphasizes the fact that it is an integral part of the modern interstate relations between Russia and Iran.

Ключевые слова: Россия, Иран, РПЦ, межрелигиозный диалог, православие, Ислам, шиизм, религия.

Keywords: Russia, Iran, ROC, interreligious dialogue, Orthodoxy, Islam, Shiism, religion.

Русская православная церковь Московского Патриархата¹ сегодня является крупнейшей религиозной организацией России. Однако ее каноническая территория не ограничивается пределами Российской Федерации². В структуру РПЦ входят в статусе самоуправляемых церкви ряда республик бывшего СССР, округа и приходы на территории Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана. Территория Азербайджана находится в юрисдикции Бакинско-Азербайджанской епархии. Русская церковь присутствует не только там, где исторически господствующей религией является православное христианство, но и на территории государств, подавляющая часть населения которых традиционно исповедует суннитский ислам. Между тем точки соприкосновения Московского патриархата и шиитов ограничиваются преимущественно Азербайджаном и, в меньшей степени, Таджикистаном.

Что касается дальнего зарубежья, то представительства и подворья РПЦ имеются во многих регионах мира. Сегодня их насчитывается около 900. Согласно уставу организации, они обладают статусом ставропигий [1]. Особым вниманием Московского Патриархата традиционно пользуются арабские страны. С начала 2000-х гг. в этом направлении церковная дипломатия прилагает особенно активные усилия. Сфера ее интересов распространяется преимущественно на суннитский Магриб и Ближний Восток: Египет, Тунис, Марокко, Ливан, Иорданию, ОАЭ и другие государства региона. Патриаршие представительства есть также в мусульманских странах Восточной и Юго-Восточной Азии – Индонезии и Малайзии. Шиитский вектор РПЦ ориентирован на Иран. Поэтому, несмотря на то что основополагающей и официально декларируемой целью внешней миссии РПЦ является «опосредованное свидетельство о Евангелии через выражение православной пози-

¹ Здесь и далее в качестве равнозначных понятий будут использоваться исторически утвердившиеся «Русская церковь» и «РПЦ».

² Заграничное направление деятельности РПЦ курируется специальными структурами Московского Патриархата – Управлением Московской патриархии по зарубежным учреждениям и Отделом внешних церковных связей.

ции в разных областях общественной и культурной жизни тех или иных стран»³, Московский Патриархат является одним из важных акторов мировой политики.

Исторический фон

Христиане контактировали с мусульманами начиная с VII в. Эти контакты знали как светлые, так и темные периоды. Но в целом, как отмечает Р. Армур, история христианско-мусульманских отношений – несчастная история. Предубеждение и догматизм, враждебность и насилие часто оказывались сильнее, чем смирение и честность [2, с. 10]. Однако период после окончания Второй мировой войны стал поворотным пунктом в процессе формирования межрелигиозного диалога, его институализации и выхода на принципиально новый уровень. Во многом это стало возможным благодаря сотрудничеству религиозных организаций в рамках Всемирного движения сторонников мира и деятельности разнообразных экуменических объединений⁴.

Такие межрелигиозные организации, как Всемирный совет церквей (ВСЦ) и Конференция европейских церквей (КЕЦ), закономерно привлекали повышенное внимание церковной иерархии и советских партийных органов и КГБ. Для последних важной представлялась возможность влияния на них Советского Союза через членство Русской церкви в целях противодействия антисоветской политике Ватикана [3, с. 464]. Известно, что в 1950–1970-е гг. Святой Престол находился в авангарде идеологических борцов против «коммунистической угрозы»⁵. Следовательно, позиции Московского Патриархата – традиционного антагониста Римской курии – и советского государства, несмотря на всю сложность отношений, получали импульс к сближению.

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. советское руководство начинает поддерживать инициативы РПЦ по вхождению во Всемирный совет церквей⁶. Как отмечает В.А. Ливцов, этот период характеризовался поворотом ВСЦ к социальной проблематике и сближением с социалистическим и антиколониальным движением, что вызвало интерес у лидеров СССР, заинтересованных в использовании трибуны экуменических организаций для поддержки советских внешнеполитических инициатив, вследствие чего ими и было инспирировано развитие контактов РПЦ с экуменическими организациями [4, с. 13]. Реализация намеченного проекта была поручена новому председателю Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата архиепископу Никодиму (Ротову). Впрочем, если иерархи ставили перед собой задачу если не преодоления многовекового христианского раскола, то, по крайней мере, выхода на международный уровень в целях свидетельства об истинах православия и сближения позиций с западными христианами по ключевым аспектам вероучения, государство придерживалось более приземленной политико-идеологической цели: «сорвать попытки реакционных сил направить ВСЦ на путь идеологической борьбы против социалистического лагеря» [5, с. 119]. Таким образом, в целом, несмотря на отличие исходных позиций, политическое руководство СССР и

³ Так называемая «*миссия присутствия*». См.: Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви [6].

⁴ Экуменизм – идеология всехристианского единства.

⁵ Второй Ватиканский собор (1962–1965), сформулировавший основные принципы отношения Римско-Католической церкви к современным реалиям, официально не осудил коммунизм. Однако в октябре 2017 г. на портале LifeSiteNews.com были опубликованы переведенные М. Хоффманом с латыни на английский язык черновики деклараций собора, касающиеся «угрозы коммунизма, программы противодействия ему и подрыва его наглости», которые не были приняты, но которые планировалось принять на общецерковном уровне. О существовании этих документов стало известно совсем недавно.

⁶ Торжественное вступление Русской церкви в ВСЦ состоялось 20 ноября 1961 г. на третьей Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели.

священноначалие РПЦ делали ставку, прежде всего, на контакты с христианскими церквями.

Впрочем, интеграционные импульсы к тому времени начали проявлять себя и в исламском мире. Их усиление на религиозной почве ускорили неудачи межгосударственных объединительных проектов на основе революционного арабского национализма, поражения в арабо-израильских войнах, финансовый подъем Саудовской Аравии, Кувейта и других монархий, ориентирующихся на исламскую солидарность. В 1969 г. заинтересованные страны предприняли первую попытку организации постоянного межисламского органа, которая воплотилась в форме Организации Исламской конференции (ОИК)⁷. Первоначально ОИК занималась в основном религиозными, культурными и экономическими вопросами и мало влияла на политику и дипломатию [7, с. 234]. Между тем как на Западе, так и на Востоке все еще недооценивали влияние ислама на широкие массы в мусульманских странах, не замечали потенциальных возможностей этой религии как мобилизующей и интегрирующей социальной силы [8, с. 63]. Однако уже к началу 1980-х гг. всем стало очевидно, что мусульманская религия переживает бурное возрождение. И отражением этого процесса во многом стала деятельность ОИК.

Ясно, что трансформация ойкумены ислама не могла остаться незамеченной в Советском Союзе. Мусульманский фактор тем более приобретал вес, что в состав СССР входили республики, основная часть населения которых традиционно исповедовала ислам. При этом успехи антирелигиозной пропаганды в них оказались не столь значительны, как в других регионах страны [9, с. 145]. К началу 1980-х гг. советское руководство начинает приходить к мнению, что реакционно-консервативный характер ислама не столь уж всеобъемлющ и под его знаменами вполне может развернуться освободительная борьба [10]. Однако ни ранее, ни позднее целесообразность сближения религиозных организаций Советского Союза, за спиной которых в тот период стояли партийные органы, и исламского мира, как потенциальная возможность налаживания дополнительного дипломатического канала руководству страны не казалась столь уж очевидной. И на это имелись причины. Мусульманские организации СССР были сильно ослаблены десятилетиями антирелигиозной политики государства, а в среде исламского духовенства не было соответствующих необходимому уровню деятелей. Содействие РПЦ в этом вопросе посредством Всемирного совета церквей, который постепенно начинал проявлять интерес к христиано-мусульманским контактам, могло бы сыграть на руку. Однако позиции Русской церкви в ВСЦ хотя и были довольно сильны, тем не менее кардинальным образом повлиять на общий курс этой организации Московская Патриархия не могла. В Совете традиционно доминировала «протестантская стихия», что по достоинству оценивалось США в контексте геополитической игры. Между тем роль представителя православия в ОИК благодаря активным стараниям «патриарха арабов» Илии довольно быстро укрепилась за Антиохийским патриархатом [11, с. 496]. Неблагоприятную конъюнктуру усугублял и тот факт, что штаб-квартира ОИК базировалась в Джидде, а ее деятельность во многом определялась консервативными, зачастую проамерикански настроенными арабскими монархиями. Прежде всего, Саудовской Аравией⁸. В конце 1970-х гг. к общему негативному фону добавился солидарный протест мусульманских стран против ввода советских войск в Афганистан. Не бездействовал и Ватикан. В 1960–1970-е гг. ему фактически удалось замкнуть на себе ключевые контакты европейских христиан с исламскими странами. Причем это был уже не политико-идеологический жест, продиктован-

⁷ С 2011 г. – Организация исламского сотрудничества.

⁸ В Джидде тогда располагалось и посольство США. В то время как дипломатических отношений между СССР и КСА фактически не существовало.

ный сиюминутными интересами, а долгосрочный, всесторонне разработанный курс, получивший импульс благодаря II Ватиканскому собору [12, с. 67]. Учитывая данные обстоятельства, основные усилия отечественных государственных и церковных дипломатов все больше сосредоточивались в рамках Всемирного движения сторонников мира, Всемирной конференции религий за мир и Конференции европейских церквей⁹.

С середины 1960-х гг. в Москве стали проводиться межрелигиозные миротворческие саммиты. Один из них под девизом «За сотрудничество и мир между народами» состоялся в подмосковной Троице-Сергиевой Лавре в июле 1969 г. Это мероприятие было примечательно тем, что в его работе впервые приняли участие представители мусульманских стран – Сирии, Иордании, Марокко. Аналогичные мероприятия проходили и в 1970-е и в 1980-е гг. вплоть до распада СССР. Причем как в нашей стране, так и за ее пределами¹⁰. Важно подчеркнуть, что активизация межрелигиозных контактов в контексте совместного осмысления духовенством разных религиозных течений проблем ядерной угрозы, войны и мира, апартеида и геноцида, словом, наиболее актуальных вопросов современности, шло с подачи государственных органов, которые и определяли генеральную линию взаимодействия религиозных организаций Советского Союза с внешними игроками.

Не вполне корректно было бы утверждать, что религиозные объединения всегда оставались безвольными проводниками государственной политики. В ряде случаев имела место свободная инициатива, а точки зрения государства и религиозных организаций совпадали, в частности, по ближневосточной проблематике. Так, с подачи советских мусульман в рамках Всемирной межрелигиозной конференции в мае 1982 г. была актуализирована проблема статуса Иерусалима и оккупированных Израилем территорий, что было вполне созвучно советской внешнеполитической линии. Тем не менее в большинстве случаев самостоятельно определять повестку диалога в силу жесткой политико-идеологической монополии КПСС, официального атеизма и холодной войны религиозные организации СССР не могли. В особенности это касалось контактов с иностранными духовными объединениями и лидерами. И все же формирующиеся традиции межрелигиозной коммуникации имели перспективу. Поэтому они благополучно пережили испытание распадом Советского Союза [13, с. 73].

Почему шииты Ирана?

В контактах христиан и мусульман традиционно не последнюю роль играл фактор полицентричности ислама, остро ставивший проблему субъектности диалога. Впрочем, нечто подобное можно было наблюдать и в среде христиан. История ВСЦ дает массу примеров того, как многоликость и дробление протестантских церквей неоднократно обнуляло перспективы достижения ими консенсуса с католиками и православными. Между тем, вопреки этой устойчивой тенденции, к 1990-м гг. РПЦ удается совершить прорыв в отношениях с исламским миром. Впрочем, не без специфического уклона. Конструктивности удалось достичь по линии взаимодействия с духовенством Ирана, который традиционно олицетворяет мировой шиизм. В 1995 г. состоялся первый визит иерарха Русской церкви, председателя Отдела внешних церковных сношений МП митрополита Смо-

⁹ В контексте христианско-мусульманского диалога данная организация начинает себя проявлять с 1980-х гг., когда в КЕЦ была создана комиссия «Ислам в Европе». КЕЦ объединяет более 120 протестантских, православных и старокатолических церквей. С 1980 г. представителем РПЦ при Конференции европейских церквей был иеромонах Августин (Никитин). РПЦ покинула данную организацию в 2008 г.

¹⁰ К примеру, в 1970 г. СССР принял участие в учреждении международной межрелигиозной организации «Всемирная конференция религий за мир», которое состоялось в японском Киото. Советская делегация включала не только православных священнослужителей, но и мусульман во главе с муфтием Зияуддином Бабахановым.

ленского и Калининградского Кирилла (ныне Патриарх Московский и всея Руси) в Тегеран. Это послужило началом институализации межрелигиозного диалога и длящихся по сей день контактов между богословами двух стран.

Нельзя сказать, что к тому моменту РПЦ обладала в Иране широким присутствием, чем, следовательно, и можно было бы объяснить интерес Московской Патриархии к этой стране. Русская община была здесь крайне малочисленна и пастырского окормления не получала. Кроме того, после Исламской революции 1979 г. Иран превратился в закрытое теократическое государство, где осуществлять свою деятельность иностранным организациям, мягко говоря, стало проблематично. Так, согласно игумену Александру (Заркешеву), еще в 1986 г. в Казвине был ликвидирован один из немногих православных храмов – церковь святителя Николая Чудотворца [14, с. 156]. Правда, причины этого не носили политико-идеологического характера. Но сам факт свидетельствовал о настроениях в иранском обществе.

Инерция взаимного недоверия между Ираном и Россией как правоприменицей СССР, доминировавшего в двусторонних отношениях с конца 1970-х гг., латентно сохранялась и после распада Советского Союза. Тем не менее именно диалог с иранскими шиитами становится заметным, хотя, пожалуй, и единственным примером успешного взаимодействия РПЦ с зарубежными мусульманами. И этот факт вряд ли можно объяснить только тем, что после распада СССР рухнула идеологическая монополия государства и произошла либерализация правил заграничных контактов общественных и религиозных объединений России, а уж тем более простой случайностью.

В действительности с середины 1990-х гг. внешнеполитическая конъюнктура начинает претерпевать значительные изменения. Контакты между Москвой и Тегераном, вопреки имеющимся сложностям, постепенно вступали в период потепления. Россия всячески препятствовала изоляции Ирана со стороны США. Иран, в свою очередь, сблизил позиции с Россией по ряду аспектов международной безопасности и, в частности, по противодействию расширению НАТО на Восток. «В этой связи, – как отмечает Н.Е. Ногаев, – уровень и насыщенность политического диалога и взаимодействия являются естественными в условиях, когда политиков обеих стран объединяет <...> видение многих основных параметров современной обстановки в мире» [15, с. 111]. Взаимное притяжение усилилось, когда в 1997 г. президентом Ирана стал Мохаммад Хатами. Он провозгласил концепцию «Диалога цивилизаций». Данный проект был с интересом воспринят во многих мировых столицах, в том числе в Москве. «Обеспечить на практике жизнь в мире и безопасности можно только тогда, когда каждый полностью понимает не только культуру и образ мыслей других, но и их традиции, обычаи и тревоги. Сложность понимания культурного и духовного измерений других обществ и государств делает необходимым установление диалога с ними», – подчеркивал иранский президент в своем выступлении на сессии глав государств-членов Организации Исламская конференция 9 декабря 1997 г. [16, с. 36].

Между тем в России в это время Русская православная церковь стремилась закрепить за собой определенное направление национальной внешней политики. Церковная иерархия установила плотные рабочие контакты между ОВЦС и МИД РФ. Становятся традиционными встречи глав Министерства иностранных дел с патриархом Алексием II, с главой ОВЦС митрополитом Кириллом, встречи церковных иерархов с руководством, слушателями и выпускниками Дипломатической академии при Министерстве иностранных дел РФ [17]. РПЦ заявила о всесторонней поддержке проекта «Диалог цивилизаций» [18]. Таким образом, произошло удачное сочетание внешних и внутренних факторов, которое в значительной степени и обусловило перспективу взаимодействия представителей религиозных общин России и Ирана.

Однако стремление РПЦ и исламской уммы Ирана двигаться навстречу друг другу вряд ли стимулировалось исключительно прагматическими импульсами. Исламовед А. Малашенко выделяет и другие предпосылки православно-шиитской комплиментарности, в частности, иррациональные. Так, с его точки зрения, ислам в Иране, находящийся на вершине политической власти, роднит с православием то, что церковь в России также является своеобразным интерпретатором государственной политики [19]. «Отношение РПЦ к Исламской Республике, – отмечает исследователь, – это одновременно и зависть, и мечта. Мечта, которая никогда не воплотится. Есть и тоска по тому, что РПЦ не может столь решительно требовать соблюдения православных норм поведения <...>, как это делают религиозные вожди Ирана. Наконец, и у иранских шиитских, и у православных клерикалов сильна ксенофобия, что также их весьма роднит» [19]. Американский эксперт Н. Гвоздев добавляет, что шииты в Иране, имеющие свою духовную вертикаль в виде института аятолл, более понятны строго иерархичной РПЦ, чем сунниты [20]. Важно и то, что шиитские духовные лидеры никогда не поддерживали исламские экстремистские группировки, действующие на территории России и постсоветской Центральной Азии¹¹. В то время как суннитские государства в лице монархий Персидского залива не могут похвастаться белизной своих перчаток в этом вопросе. И, наконец, и РПЦ, и шииты Ирана сходятся в том, что в мире не существует каких-либо универсальных социальных стандартов и каждая страна вправе определять свою форму социального и политического устройства, исходя из собственных культурно-исторических традиций. В данном случае Н. Гвоздев подразумевает межрелигиозное единение на почве противодействия распространению в мире американской модели демократии. Последняя точка зрения, правда, в более философско-мистическом виде, находит отражение и у профессора А.Г. Дугина. Мыслитель отмечает особый эсхатологический настрой ожидания – Второго пришествия Христа у православных и Махди – у шиитов. «Это духовно, концептуально, парадигмально, стилистически объединяет православных христиан и мусульман-шиитов» [21]. Данная религиозная идея закономерно проявляет себя в геополитическом ключе: «Сегодня мы, русские, с шиитами — не только две уважающие друг друга древние цивилизации, — но мы соратники по оружию, мы на одной стороне баррикад в Сирии. Фактически ливанская «Хезболла», иранские и русские военные находятся сегодня в Сирии по одну сторону баррикад, ведя свою войну с Даджалем» [21].

Однако актуальным представляется ответ на вопрос, в чем сама Русская церковь видит цель и назначение этого диалога. Симптоматично, что еще в 2000 г. Архиерейский собор сформулировал основные принципы отношения РПЦ к инославиям, под которым подразумеваются другие христианские церкви. Однако вплоть до сегодняшнего дня так и не было подготовлено общецерковного документа, определяющего отношение Русской православной церкви к иноверным: мусульманам, иудеям, буддистам. Поэтому в данном вопросе о позиции церкви можно судить только опираясь на анализ теологуменов¹². Патриарх Алексей II считал, что такой диалог «активно противостоит тенденции породить вражду между приверженцами христианства и ислама, столкнуть две великие традиционные цивилизации» [18]. В конце 1990-х гг. архиепископ Ташкентский и Среднеазиат-

¹¹ Данный тезис исследователя требует комментария. Известно, что в период Советской войны в Афганистане Иран все же оказывал поддержку афганским моджахедам. Правда, довольно ограниченную, так как основные ресурсы ИРИ уходили на войну с Ираком. О настроениях иранского руководства того периода довольно красноречиво свидетельствует заявление Революционного совета Исламской Республики Иран от 30 декабря 1979 г.: «Оккупация советской армией соседнего нам государства ослабляет нашу борьбу против американского империализма и рассматривается как враждебный акт в отношении иранского народа» [22].

¹² *Теологумен* – частное богословское мнение, не являющееся обязательным для всех христиан.

ский Владимир (Иким) отмечал, что выяснение общих черт ислама и православного христианства – та граница, которую не следует переступать в православно-мусульманском диалоге [23, с. 27]. При этом взаимодействие в практической плоскости последователей двух религий архиерей видел в борьбе с общим врагом, который на современном этапе предстает в виде международного терроризма [23, с. 29]. В 2010 г. заместитель председателя ОВЦС игумен Филипп (Рябых) подчеркивал, что Россия и Иран длительное время являлись непосредственными соседями. И хотя сегодня между ними нет сухопутной границы, проблема государственной безопасности остается актуальной для обеих стран. Очевидно, добрососедские отношения в принципе невозможны без знакомства с культурой друг друга [24]. Нынешний глава Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Иларион (Алфеев) ключевым моментом диалога считает необходимость совместного противостояния «воинствующему секуляризму» [25], а также стремление РПЦ договориться с мусульманскими лидерами об активизации последними работы со своей паствой по предотвращению случаев проявления ненависти к христианам и исключению политики по искоренению христианства на Ближнем Востоке [26].

Таким образом, в сущности, теоретически содержание базовых принципов межрелигиозных контактов между православным и шиитским духовенством двух стран в целом константно и заключается в осознании необходимости последовательного углубления знаний о вероучении друг друга, в то время как практические аспекты диалога имеют ситуационную природу и прямо коррелируют с актуальной международной проблематикой.

Российско-иранская комиссия «Православие – Ислам»

Визит в Иран председателя ОВЦС митрополита Кирилла (Гундяева) в сентябре 1995 г. был приурочен к передаче Московскому Патриархату Свято-Николаевского прихода в Тегеране, длительное время принадлежавшего РПЦЗ. Построенный в 1895 г., храм де-факто не функционировал. В феврале 1995 г. решением Священного синода РПЦ собор был принят в юрисдикцию Русской церкви и в него был назначен настоятель – выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Александр Заркашев. С этого момента Московский Патриархат получает в Иране точку опоры, а Никольский собор становится центром притяжения не только для православных русских, но и постоянно проживающих в ИРИ армян, ассирийцев, греков, украинцев, грузин и др.

В рамках визита состоялась встреча митрополита Кирилла с главой Организации культуры и исламских связей ИРИ (ОКИС ИРИ) аятоллой Мохаммедом Али Тасхири, в настоящее время курирующим Всемирную ассамблею по сближению исламских мазхабов. В ходе переговоров духовных лиц было достигнуто соглашение о создании двухсторонней комиссии по диалогу между РПЦ и шиитской общиной Ирана. Ответный визит аятоллы Тасхири в Россию не заставил себя долго ждать. Он состоялся в июне 1997 г., а первое заседание комиссии «Православие – Ислам» прошло уже в декабре 1997 г.

Кому именно принадлежала инициатива налаживания канала связи между духовенством двух стран, сегодня установить сложно. Одни источники недвусмысленно намекают на то, что инициатором выступила российская сторона [27]. Другие утверждают, что идею предложил аятолла Тасхири [28]. В пользу второй версии говорит тот факт, что во второй половине 1990-х гг. Иран проявлял высокую активность в вопросе экспорта идей и достижений исламской революции [29, с. 129]. Инструментом здесь служило формирование положительного образа ИРИ в странах мира с опорой на функционировавшие в них шиитские общины. В 1997 г. в Москве было открыто иранское куль-

турное представительство. Однако, как бы там ни было, но наличие внебогословского подтекста контактов проявилось довольно быстро. Впрочем, тот же Мохаммад Али Тасхири не скрывал, что связи духовных лиц во многом определяют отношения между государствами [30].

Диалог выстраивался по достаточно простой схеме. Встречи православного и шиитского духовенства проходили раз в два года по заранее согласованным темам, а делегации попеременно принимали у себя то Москва, то Тегеран. За истекшие два десятилетия заседания состоялись в Тегеране 5 раз (в 1997, 2001, 2006, 2010 и 2014 гг.) и в Москве также 5 раз (в 1999, 2004, 2008, 2012, 2016 гг.).

Довольно интересным представляется вопрос статуса делегаций и тематики заседаний комиссии. Так, РПЦ с самого начала довольно обстоятельно подходила к подбору своих представителей. Ими всегда становились признанные богословы, влиятельные архиереи и сотрудники ОВЦС. Состав делегаций не был определен как постоянный и с течением времени менялся. Однако итоговый список участников непременно проходил утверждение на заседаниях Священного синода, что должно было подчеркивать особое отношение священноначалия Русской церкви к диалогу с аятоллами ИРИ.

Иранскую делегацию длительное время возглавлял аятолла Али Тасхири, а впоследствии – его преемники на посту руководителя ОКИС. В ряде случаев статус иранской группы был даже выше российской. В разное время в нее входили советники и представители Верховного лидера Ирана – рахбара Хаменеи, члены Совета экспертов Исламской Республики Иран, сотрудники Организации культуры и исламских связей (структуры, подведомственной Министерству культуры и исламской ориентации Ирана), представители академических кругов. Важно учесть и другую немаловажную деталь: несмотря на относительно высокий статус, российскую сторону представляла и представляет хотя и влиятельная, но негосударственная организация, в то время как ИРИ – в значительной степени служащие государственных структур. Конечно, отчасти это обусловлено спецификой государственного строя современного Ирана. Тем не менее факт говорит сам за себя.

Анализ тематики заседаний комиссии подтверждает принципиально важный вывод о том, что ключевыми проблемами, которые первоочередно и в равной степени волнуют представителей религиозных общин двух стран, являются не столько догматические вопросы, сколько аспекты международной политики. Концентрация богословов на проблемах глобализации и секуляризма, экстремизма и терроризма, двойных стандартов и равноправия в международных отношениях, прав человека и чувств верующих определяет приоритетную цель и ориентацию этих контактов. Налицо скорее модель консолидированной реакции духовенства на внешние раздражители, нежели попытка разобраться в богословских тонкостях двух религиозных систем. Хотя справедливости ради стоит отметить, что ряд доктринальных установок православия и шиизма, таких как почитание мучеников, религиозная нравственность, учение о Боге и человеке, в ходе встреч затрагивались. Но их место в общем дискурсе является далеко не центральным.

Собственно, наивным было бы полагать, что межрелигиозный диалог возможен в виде добровольного принятия тех или иных вероучительных установок друг друга. Хотя бы даже на уровне просвещенных интеллектуалов. Скорее, напротив – в таком формате он невозможен в принципе. И выше мы приводили аргументы в пользу данного тезиса. Очевидно, с самого начала это понимали и инициаторы комиссии «Православие – Ислам». Поэтому методологическую систему православно-шиитского диалога в конечном счете так и не удалось сконструировать, а результаты консультативных работ, вопреки декларациям [31], не нашли отражения в соответствующих учебных пособиях семинарий

и академий РПЦ. Допускаем, что и в иранских образовательных учреждениях ситуация схожая.

Работа комиссии в равной степени и не привела к созданию особого «режима благоприствования» для православных в Иране. За прошедшие двадцать лет православно-шиитской комплиментарности в ИРИ был открыт всего один новый храм – в г. Энзеле на побережье Каспийского моря и одна часовня для нужд российских специалистов-атомщиков в Бушере. С шиитскими мечетями в РФ ситуация в чем-то схожая, но в чем-то принципиально иная. В середине 1990-х гг. в Москве была выстроена единственная шиитская мечеть «Хатам Аль-Анбия» на территории посольства ИРИ. Но при этом представители иранской диаспоры в России традиционно, там где это возможно, посещали суннитские мечети. Правда, не без периодически возникающих проблем. В определенном смысле богословская комиссия сама поставила заслон на пути расширения взаимного религиозного присутствия, оставив, однако, лазейку скрытому прозелитизму, довольно специфично истолковав этот термин в итоговых декларациях [32].

Религиозное и конфессиональное сознание традиционно чутко реагирует на попытки сближения вероучительных систем. Это видно хотя бы по деятельности Всемирной ассоциации по сближению исламских мазхабов, которая в суннитском мире зачастую воспринимается не иначе как внешнеполитический проект Тегерана. Другой пример – скептическая реакция к «экуменическим» инициативам консервативных мусульман в России и за ее пределами. Горячее стремление придать деятельности комиссии «Православие – Ислам» статус элемента геополитического союза России и Ирана против суннитской оси довольно характерно и для пропаганды суннитских радикалов. Тем временем умеренные мусульмане зачастую ограничиваются недоумением, граничащим с сожалением: «почему РПЦ выстраивает диалог именно с шиитами?». Впрочем, Русской православной церкви хватает давления и со стороны своих членов. Ее межрелигиозные контакты во внутрицерковной среде часто становятся объектом жесткой критики православных антимодернистов¹³.

Сегодня как российские, так и иранские специалисты склонны полагать, что Тегеран и Москва не могут быть стратегическими союзниками, поскольку, несмотря на очевидные успехи тактического плана, имеет место отсутствие доверия и противоречие базовых идей [33]. Это, вероятно, отчасти и обуславливает диверсификационный характер межрелигиозных отношений двух стран. Тегеран в той же степени, в которой активен в контактах с РПЦ, проявляет настойчивость во взаимодействии с Ватиканом и другими христианскими церквями и объединениями. Известно, что далеко не первый год действует аналогичная богословская ирано-ватиканская конференция. Впрочем, есть основания полагать, что именно Московский Патриархат некогда выступил связующим звеном между аятоллами Ирана и Святым Престолом [34]. Не исключено, что и иными христианскими конфессиями [35].

Русская православная церковь тоже не бездействует и эпизодически прикладывает усилия для налаживания диалога с суннитскими центрами. Свидетельство тому – инициативы патриарха Кирилла в рамках встреч с руководством египетского Аль Азхара. Однако Иран со своей стороны вряд ли может стать мостом между христианским и сун-

¹³ Так, видный современный критик ислама, преподаватель Сретенской духовной семинарии РПЦ священник Георгий Максимов пишет: «Ислам и христианство – это разные религии. Они имеют принципиальные разногласия. Здесь никогда не будет согласия. <...> Возможен лишь диалог, направленный на свидетельство нашей веры, для того чтобы быть понятым и понять другого, но не для того чтобы достичь какого-то межрелигиозного консенсуса. Возможен, конечно, еще диалог по нерелигиозным вопросам – социальным, экономическим, экологическим и тому подобным, но это уже не «диалог Православие – Ислам» [36, с. 210].

нитским мирами. Слишком уж сильны отличия в доктринальном и геополитическом плане между шиитами и суннитами. Это наглядно демонстрирует сегодняшняя ситуация на Ближнем Востоке. В 2005 г. Тегеран не смог оказать (или не оказал?) содействие РПЦ в вопросе вхождения ее представителя в комиссию при ООН «Альянс цивилизаций». Между тем тогда представителем Ирана в Альянсе был авторитетный М. Хатами, чей проект диалога цивилизаций некогда энергично поддержала Московская Патриархия. Иранские официальные лица на встрече с православными иерархами выразили лишь сожаление по поводу того, что представители православия не были приглашены в это международное объединение [37].

Принимая во внимание присутствие Русской православной церкви во многих регионах мира, вполне закономерно, что российский МИД отводит ей важную роль «в урегулировании противоречий и смягчении конфликта цивилизаций» [38]. Миротворчество религиозных организаций более чем кстати, когда в мировой политике доминирует идеологическая парадигма С. Хантингтона¹⁴. Поэтому имеющаяся комплиментарность РПЦ и иранского духовенства лишней не будет. Однако поле для маневра здесь жестко ограничено. Шииты составляют всего 10% от общей численности мусульман. Вероятно, именно это является одной из причин того, что православно-шиитский альянсу не хватило потенциала, чтобы стать фундаментом Совета религий при ООН – объединения, которое уже более десяти лет лоббирует российская сторона.

Заключение

Диалог РПЦ с мусульманами-шиитами, безусловно, является важным элементом современных межрелигиозных и международных отношений. И дипломатические успехи Московского Патриархата в этом направлении видны не только на примере сотрудничества с аятоллами Ирана, но и, к примеру, с духовенством Азербайджана в лице шейха Аллахшукюра Паша-заде. Впрочем, последнее – самостоятельная тема. В целом на руку РПЦ играют вероучительные параллели между ортодоксальным христианством и шиизмом, а также благоприятная внешнеполитическая конъюнктура, которая, однако, склонна к трансформациям. Как продолжит выстраиваться диалог духовных лиц двух стран, если политические отношения России и Ирана однажды вновь вступят в период охлаждения или их правительства потеряют интерес к религиозному подспорью в таком виде, в котором оно существует последние двадцать лет, – сложный вопрос. Важно понимать, что, как и любое межрелигиозное взаимодействие, православно-шиитский диалог имеет ограниченный инструментарий. В перспективе богословская тематика может себя исчерпать. В таком случае единственным направлением для сотрудничества останутся миротворческие и антиэкстремистские декларации, которые, на наш взгляд, малоэффективны, а также гуманитарные акции в кризисных регионах. В реализации последних религиозные организации, к сожалению, часто пассивны и играют далеко не первую роль, а опыт межрелигиозного сотрудничества в этой области на сегодняшний день в принципе отсутствует. Поэтому будет ли перечисленного достаточно для поддержания взаимных контактов на прежнем уровне, остается неясным. В силу сказанного очевидно, что Русская православная церковь остро нуждается в углублении диверсификации православно-мусульманского диалога. При всем уважении к мусульманам-шиитам, исламский мир на 90% состоит из суннитов. Реалии сегодняшнего дня доказывают, что налаживание конструктивных контактов с суннитским миром является хоть и сложным, но

¹⁴ К сожалению, и сегодня мало кто знает, что сам Хантингтон еще при жизни отказался от состоятельности концептуальных основ своей теории. Но идеологический маркетинг продолжает делать свое дело. Тем временем в фундаментальной науке накоплено достаточно данных, позволяющих говорить не о пресловутом столкновении цивилизаций, а скорее о *столкновении исторических эпох*.

более чем целесообразным занятием. Факты свидетельствуют, что в Московской Патриархии это понимают. И хотя далеко не все здесь зависит от РПЦ, а задача куда сложнее, чем та, которую приходится решать церковным дипломатам в рамках комиссии «Православие – Ислам», статус, на который претендует Русская церковь, и внешнеполитическая целесообразность обуславливают необходимость кропотливой и последовательной работы православных интеллектуалов и дипломатов в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав Русской православной церкви. Гл. XX. Церковные учреждения в дальнем зарубежье // Официальный сайт Русской православной церкви Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133147.html> (дата обращения: 20.06.2018).
2. *Армур Р.* Ислам и христианство. Непростая история. М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2003. 329 с.
3. История Русской Православной Церкви от восстановления Патриаршества до наших дней (1917–1970). СПб.: Воскресение, 1997. Т. I. 1020 с.
4. *Ливцов В.А.* История взаимодействия Русской православной церкви с экуменическим движением (конец XIX – начало XXI в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 569 с.
5. *Ливцов В.А.* Участие РПЦ в экуменическом движении и его влияние на духовную жизнь в СССР (60–80-е гг. XX в.). 2008. № 9. С. 119–121.
6. Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви // Официальный сайт Русской православной церкви Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3102956> (дата обращения: 20.06.2018).
7. *Луис Б.* Ислам и Запад. М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2003. 317 с.
8. *Донцов В.Е.* Ислам в международных отношениях // Дипломатический ежегодник. М.: Научная книга, 1997. С. 62–89.
9. *Абдольхофф К.* Исламский фактор в политических процессах в постсоветской Центральной Азии (90-е годы XX века): дис. ... канд. полит. наук. СПб, 2002. 182 с.
10. *Малашенко А.В.* Ислам во внешней политике России // Информационно-аналитический портал «Kazislam». URL: <http://kazislam.kz/ru/maqalalar/item/686-eislam> (дата обращения: 20.06.2018).
11. *Куликова Е.В.* Христианско-мусульманский диалог: позиция Антиохийского патриархата // Pax Islamica. 2012. 1–2 (8–9). С. 492–506.
12. *Журавский А.В.* Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990. 128 с.
13. *Силантьев Р.А.* Исламо-христианский диалог в досоветский и советский период // Философские науки. 2010. № 8. С. 65–73.
14. *Александр (Заркешев), игум.* Русская Православная Церковь в Персии – Иране (1597–2001 гг.). СПб.: Сатис, 2002. 208 с.
15. *Ногаев Н.Э.* Проблемы в ирано-российских отношениях в 1990-е гг. XX в. // Проблемы всеобщей истории и политологии: сб. науч. тр. Вып. № 1 / под ред. д-ра полит. наук, проф. Б.Г. Койбаева. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2008. С. 108–113.
16. *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М.: РОССПЭН, 2001. 242 с.
17. *Чумаченко Т.А.* Московская патриархия и Восточные патриархаты: отношения в условиях новой российской государственности. 1990-е гг. – начало XXI в. // Magistra Vitae. 2017. № 1. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/1_2017/8.pdf (дата обращения: 20.06.2018).
18. Патриарх Алексей Второй поддержал идею президента Ирана о «диалоге цивилизаций» // Интерфакс-Религия. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=10034> (дата обращения: 20.06.2018).

-
19. Почему Россия не Иран // НГ-Религии. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2012-08-15/6_iran.html (дата обращения: 20.06.2018).
20. РПЦ и внешняя политика России // Информационно-аналитический портал «Голос Америки». URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russian-church/1772514.html> (дата обращения: 20.06.2018).
21. Интервью с Александром Дугиным о шиитском исламе, Иране и проекте «Ноомахия» // Интернет-журнал «Мир шиизма». URL: <https://shia.world/intervyu-s-aleksandrom-duginym-o-shiitskom-islame-irane-i-proekte-noomahiya/> (дата обращения: 20.06.2018).
22. *Пилипенко В.В.* Трансформация советско-иранских отношений после Исламской революции // Восточный архив. 2014. № 2(30). С. 86–94.
23. *Владимир (Иким), архиеп.* «...а друзей искать на Востоке». Православие и Ислам: противостояние или содружество? М.: Омега, 2001. 30 с.
24. Диалог «Ислам–Православие» в Иране. Интервью заместителя председателя ОБЦС игумена Филипп (Рябых) радиостанции «Радонеж» // Интернет-издание «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/dialog-islam-pravoslavie-v-irane/> (дата обращения: 20.06.2018).
25. Митрополит Иларион отметил высокий уровень отношений Русской Церкви и исламской общины Ирана // Интернет-издание «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-otmetil-vysokij-uroven-otnoshenij-russkoj-cerkvi-i-islamskoj-obshhiny-irana/> (дата обращения: 20.06.2018).
26. Отношение Православной Церкви к основным мировым религиям. Лекция председателя ОБЦС митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева) в Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ 22 октября 2013 г. // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/813944> (дата обращения: 20.06.2018).
27. Интервью игумена Филиппа (Рябых) радио Ирана // Сайт Союза ветеранов Военного института иностранных языков. URL: <http://www.vkimo.com/node/1414> (дата обращения: 20.06.2018).
28. Россия и исламский мир: сближение мазхабов как фактор солидарности мусульман // Iran Russian Radio. URL: <http://russian.irib.ir/analitika/reportazh/item/206460> (дата обращения: 3.01.2018).
29. *Дунаева Е.В.* Российско-иранский культурный диалог: возможности и перспективы развития // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Россия-Иран: диалог культур» / под ред. *Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина*. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. С. 124–138.
30. *Аятолла Мухаммад Али Тасхири*: «Салман Рушди – террорист. Он заслуживает смерти». Интервью газете «Известия» // Интернет-портал «Peoples.ru». URL: <http://www.peoples.ru/state/politics/tashiry/> (дата обращения: 20.06.2018).
31. Коммюнике X заседания Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Православие-Ислам» на тему «Межрелигиозный диалог и сотрудничество как инструменты достижения прочного и справедливого мира» (от 28 сентября 2016 г.) // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4627597.html> (дата обращения: 20.06.2018).
32. Коммюнике I встречи совместной Российско-Иранской комиссии по диалогу между Исламом и Православием // Архив официального сайта Московского Патриархата (1997–2009). URL: <https://mospat.ru/archive/1997/12/nr231273/> (дата обращения: 20.06.2018).
33. Почему между Ираном и Россией не может быть стратегического партнерства. Интервью ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН В. Сажина Информационному агентству Исламской республики Иран (ИРНА) от 30 октября 2017 г. // Интернет-портал ИРНА. URL: <http://www.irna.ir/ru/News/3532251> (дата обращения: 20.06.2018).
34. Мусульманские деятели: При патриархе Алексии II произошло сближение РПЦ с исламским миром // Информационное агентство России «IslamNEWS». URL: <https://www.islamnews.ru/news-16172.html> (дата обращения: 20.06.2018).
-

35. Церковная дипломатия перед концом света // НГ-Религии. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2006-03-01/3_diplomacy.html (дата обращения: 20.06.2018).

36. Максимов Г., диакон. Православие и ислам. М.: Изд-во Православного Миссионерского Общества имени прп. Серапиона Кожеозерского, 2012. 224 с.

37. Митрополит Кирилл принял делегацию Исламской Республики Иран // Православное информационное агентство «Русская линия». URL: <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=174646> (дата обращения: 20.06.2018).

38. Малащенко А.В. Фактор ислама в российской внешней политике // Россия в глобальной политике. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_8391 (дата обращения: 20.06.2018).

Поступила в редакцию 27.10.2018 г.

Принята к печати 24.12.2018 г.

В раздел «Об авторах»:

Хохлов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань; e-mail: a_radiance@mail.ru

Khokhlov Alexander Anatolevich, Candidate of History, associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan; e-mail: a_radiance@mail.ru